

УДК 821.161.1.091 + 929:82-3(470.5) [Мамин-Сибиряк]

А.В. БОРТНИКОВА [МЕЛЬНИКОВА],
*аспірант кафедри російської літератури ІГНІ
Уральського федерального університета
імені першого Президента Росії Б.Н. Єльцина*

ОПЫТ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОЧЕРКОВ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

В статье анализируются два очерка уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, написанные в 1885 г. – в ранний, мало исследованный и незаслуженно забытый период творчества автора. Нарратологический анализ, направленный на описание очерка как жанра, проведен с позиций формы повествования, композиционного членения, мотивно-сюжетной и ритмической специфики. Для отражения формы повествования в художественно-публицистическом очерке Мамина введен термин «Мы-публицистическое», способствующий дальнейшим нарратологическим исследованиям очерка как жанра.

Ключевые слова: жанр, литература Урала, Мамин-Сибиряк, малая проза, мотив, нарратология (теория повествования), очерк, сюжет, форма повествования.

В течение длительного времени при изучении творчества русских писателей второй половины XIX в. исследователи преимущественно обращали внимание на крупные эпические жанры, в частности, на жанр романа, однако изучение всего многообразия малых эпических форм, которые уже с 1860-х гг. начинают активизироваться в русской литературе [3, с. 3; 5, с. 93; 6, с. 7], не менее важно для создания наиболее исчерпывающей картины историко-литературного процесса. В связи с названными обстоятельствами творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка ассоциировалось прежде всего с многофигурными романами социальной проблематики [8, с. 73; 14, с. 96]. В действительности именно с появлением сборника малой прозы «Уральские рассказы» (1888–1889) был связан выбор писателем самостоятельного направления в органической связи с уральским материалом [7, с. 43]. Предшествующий же появлению указанного сборника период творчества, включающий в себя незаслуженно забытые разножанровые произведения малой прозы 1881–1886 гг., аккумулировал достижения писателя и в плане манеры письма, и в плане мотивно-тематической структуры [12].

Выбор для детального рассмотрения очерков Д.Н. Мамина-Сибиряка «Зимняя вольница», «Золотое гнездо» (оба – 1885) не случаен и определяется, с одной стороны, сочетанием важных тем, к которым автор будет возвращаться позднее еще не раз, с другой стороны, особой манерой повествования, отчасти связанной с жанровыми особенностями очерков и характером изображаемого материала. Названные очерки характеризуются также слабой степенью изученности, что обусловлено несистематическими публикациями в советское время.

Преобладающими формами повествовательной организации в большинстве произведений малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. являются традиционные я-форма, с типом видения изнутри и он-форма с типом видения извне. В большем объеме и в массиве текстов 1881–1886 гг., в книге «Уральские рассказы» присутствует форма повествования от первого лица [9, с. 111] (I ф.), семантика которой, по концепции К.Н. Атаровой и Г.А. Лескиса, связана с субъективностью, достоверностью, с наличием персонифицированного по-

вестователя, существующего в том же мире, что и персонажи [1, с. 345–347]. В меньшем объеме – форма повествования от третьего лица (II ф.), характеризующаяся семантикой вымысла, полнотой изображения внешнего и внутреннего мира, объективностью [2, с. 34].

Среди повествовательных форм в текстах 1881–1886 гг. встречаются и довольно редкие, например, форма второго лица множественного числа (мы) в сочетании с традиционными я-формой и он-формой определяет повествование в очерках «На золотом прииске», «Золотая ночь», «Зимняя вольница», «Золотое гнездо», объединенных темой золота. Наиболее интересно указанная форма реализуется в двух последних.

Очерк «Зимняя вольница» (1885), изданный один раз при жизни автора, имеет жанровый подзаголовок *Из записной книжки*. В нем ощутима структура жанра записных, путевых книжек с ориентацией, с одной стороны, на документальную точность в изложении событий и фактов, с другой стороны, на свободную манеру воспроизведения потока событий. Как писал И.А. Дергачев, в очерковом жанре в принципе выражалось стремление «подчеркнуть незавершенность произведения, неокончателность художественной мысли» [7, с. 32], а с помощью уточненных жанровых определений акцентировался «интерес к самому объекту повествования» [7, с. 37]. В указанном очерке повествование структурируется с помощью маршрута недалекого путешествия, который в самом начале определяет автор-повествователь: это маршрут от Екатеринбургa до Березовского завода, на промыслах рядом с которым в XIX в. добывали золото. Путевая канва необходима для организации разнородного материала, который включает в себя и географические характеристики местности, и статистические данные о золотодобыче, и этнографические элементы, и реплики жителей Березовска. Динамика повествования создается с помощью фраз, «перевызывающих» материал. Они приводятся, как правило, в начале или середине главки (всего таких главок пять) и отражают основные этапы дороги: «Наша кошевка быстро катилась по дороге в Березовск...» (267)¹; « – Вот и Березовск...» (270); «Наша кошевка бойко покатила мимо новых отвалов, над которыми старалась Березовская вольница» (273); «Осмотрев работы, мы отправились в обратный путь» (283) и др. Сам автор-повествователь имеет непосредственное отношение к изображаемой местности – его знание обнаруживается даже в коротких репликах, характеризующих погодные условия Урала: «Именно такая наша уральская весна – капризная, непостоянная, взбалмошная» (266). Между тем конкретно с зимними работами на Березовских золотых промыслах повествователь знакомится впервые, в чем ему помогает знакомый золотопромышленник Николай Гаврилович, выполняющий функцию своего рода проводника-попутчика, что подтверждается и на лексическом уровне: персонаж *объясняет, говорит, указывает, заявляет*. Такая довольно устойчивая архетипическая пара вполне характерна для жанра травелога с этнографической направленностью. С появлением данной фигуры в повествовании логично возникает форма повествования второго лица множественного числа – «мы». Сам автор-повествователь и золотопромышленник, согласившийся показать зимние промыслы, – люди одного положения, знакомые, что в принципе позволяет ввести такую форму (ср. невозможность введения такого приема «совместности» в случае с охотником-проводником Ермолаем в «Записках охотника» И.С. Тургенева). Примечательно, что данная повествовательная форма реализуется не только как показатель совместности действия повествователя и гида-экскурсовода (мы отправились, мы проехали, мы поздоровались), но и как своего рода показатель публичности, маркер достоверности и злободневности передаваемой информации («Мы этот разговор привели с той целью, чтобы показать, какими невозможными условиями обставлено у нас практическое применение “устава о частной золотопромышленности”» (268). Появление такой формы изложения достаточно неожиданно для жанра художественного очерка, травелога. Для сравнения можно привести газетную статью-фельетон Мамина-Сибиряка о П.П. Демидове «Один из анекдотических людей» с подзаголовком *Из уральской летописи*, в котором употребление формы мы-публицистическое жанрово и стилистически оправдано: «...мы теперь решились побеседовать с читателем...»; «мы с намерением выждали...» (Т. 3, 786) и т. д. Вероятно, подобный прием нужен Мамину в очерке

¹Все тексты цитируются в статье по изд. [11, т. 4], в круглых скобках указывается номер страницы.

«Зимняя вольница» для введения своеобразных констатирующих обобщений, пояснений. Похожая повествовательная «эклектика» с использованием публицистической мы-формы наблюдается и в очерке «Золотое гнездо», о котором мы скажем чуть позже.

В названном очерке можно встретить и безличное повествование, употребляемое при изложении исторических фактов или при характеристике местных географических, языковых и прочих краеведческих особенностей. Такие информативные вставные куски хотя и не маркированы конкретной формой повествования, но принадлежат автору-повествователю. В этих иногда довольно пространных пояснениях автор-повествователь по отношению к читателю сам выступает в качестве гида-проводника, приводя статистические данные по поводу добычи золота или разъясняя значение того или иного термина, связанного с работой на золотых промыслах: «Золото бывает жильное, или коренное, которое заключается в кварце <...> потом бывает золото россыпное, или песчаное, которое произошло из жильного механическим путем...» (278). В этом же качестве он выступает при цитировании прецедентных текстов, например, песни, связанной с селением Шарташ, мимо которого ему приходится проезжать по пути в Березовск, и при фиксации речевых особенностей аборигенов: «На Урале вместо “староверы” часто говорят “столоверы”, очевидно, что здесь искажено слово по созвучию, как говорят “соводни” вместо “содня...”» (269).

Очерк «Зимняя вольница» организован таким образом, что одиночные реплики или диалоги персонажей чаще всего чередуются с размышлениями, пояснениями автора-повествователя, при этом сам он практически никогда не вступает в диалог. Многократное повторение данного повествовательного рисунка приводит к «ритмичности» повествования, поддержанной на формальном уровне делением на главки в совокупности с четкостью маршрутного рисунка.

Некий эффект репортажности придает данному очерку отсутствие большого временного промежутка между публикацией самого текста («Волжский вестник» за 1885 г., № 110–112) и событиями, описанными в очерке (говоря про дачи екатеринбургского казенного округа, автор-повествователь называет дату – май прошлого 84 года), а также включение в ткань текста живых диалогов старателей. В результате комбинаций форм повествования автором достигается эффект многоуровневого повествования, рождается два плана – мир персонажей, местных жителей, фразы которых приводятся повествователем с сохранением лексических и фонетических особенностей речи, и мир самого повествователя – это его пояснения, выражение эмоций, комментарии по поводу передвижения. Таким образом, создается схема субъектно-объектных отношений эпического произведения, охарактеризованная Б.О. Корманом следующим образом: «Повествовательный текст принадлежит субъекту сознания с обязательной пространственной и временной точками зрения. Прямая речь героев принадлежит субъектам сознания с обязательной фразеологической точкой зрения» [10, с. 268]. При этом личный повествователь является фигурой и рассказывающей, и рассказываемой, то есть перед нами гомодиегетический тип повествования с использованием я-формы и мы-формы [15, с. 25]. Я-форма в этом случае чаще всего маркирует редкие реплики, внутренние монологи и мысли автора-повествователя [13, с. 38] («...новому человеку, не привыкшему к печальной красоте наших мест, покажется здесь тяжело и грустно, но я люблю вот эту, именно более чем скромную, природу...» (277), а использование мы-формы сопровождает хронологическую канву совместного путешествия или в ее публицистическом варианте оформляет авторские обобщения.

С точки зрения развертывания сюжета жанр путевых записок, заметок по понятным причинам чаще всего не является законченным. Данная особенность воплощается и в очерке «Зимняя вольница». Познакомившись с зимними промыслами в Березовском заводе, автор-повествователь со своим проводником отправляются в обратный путь, что могло бы быть завершающим очерк событием, однако финальным эпизодом является рассказ старателя Парамона, заканчивающийся следующей репликой: « – Да уж... и деды, и отцы золотом занимались, ну и нам, видно, заказали. Такие уж счастья... Слышал поговорку: любил черт луковицу – плачет да грызет. Так-то и наше дело!» (283).

Органически с очерком «Зимняя вольница» связан очерк «Золотое гнездо». Данные тексты объединены не только на основании общего времени написания, содержательных

связей, локальной конкретизации («золотым гнездом» автор-повествователь называет Березовск), но и имеют сходные черты в повествовательной картине. Названные сходства вкуче с наличием в очерках функционально родственной фигуры автора-повествователя позволяют также говорить о возможном тяготении Мамина к циклизации малой прозы. При чтении очерка «Золотое гнездо» создается впечатление, что перед нами – данное в безличной манере, хронологически выверенное описание Березовска как «золотого гнезда», так как присутствуют, например, даты и цифры, связанные с количеством добытого золота, цены, по которым оно сбывалось. Тем не менее «статистическое» и «тезисное» в очерке подкрепляется примерами-разговорами повествователя с самими березовцами: «Из окружающих Екатеринбург селений Березовск <...> пользуется самой плохой репутацией и служит главным поставщиком “жертв общественного темперамента”».

– Почему же шарташские, уктусские и верхисетские бабы и девки не гуляют так? – спрашивал я у знакомых березовцев.

– Стоит, барин, толковать... – брезгливо отзывались вопрошаемые» (286). Все отступления подобного рода даются предельно дозировано, читатель возвращается вновь к статистической канве или к оценочным характеристикам повествователя: «Вернемся к цифрам» (287); «Здесь нам необходимо оговориться» (288); «Мы не шутим, а говорим серьезно» (291); «Закончим наш очерк...» (292). Автор-повествователь последовательно рассуждает о нескольких периодах в истории Березовска, связанных с золотодобычей. Говоря о так называемом «жильном» и «россыпном» периоде, повествователь уже не прибегает к определению терминов, которые дали название указанным периодам, возможно, потому, что читатель предположительно имеет некоторое знание на этот счет, почерпнутое, например, из очерка «Зимняя вольница». Повествователь уже знаком с Березовским заводом, со многими жителями он общается не впервые, следовательно, функция знакомца-гида, выполняемая золотопромышленником Николаем Гавриловичем в уже рассмотренном ранее очерке, оказывается невостребованной. Самостоятельно и со знанием дела повествователь рассуждает о городе, делает масштабные обобщения, все чаще используя условно названную нами форму мы-публицистическое и безличную форму повествования. Стремление описать Березовск наиболее полно, затронуть многие сферы существования местных жителей – глобальная задача повествователя, вот почему его собеседники – люди самые разные: учитель березовской заводской школы, березовский старожил, старик, отставной чиновник, штейгер старой закалки, знакомый служащий, швец. Данный очерк, включающий в себя диалоги повествователя с местными жителями, статистические материалы, авторские размышления, тяготеет более к художественно-публицистической манере [4, с. 40].

Условно в очерке «Золотое гнездо» можно выделить ритмический повествовательный рисунок, похожий на представленный в предыдущем рассмотренном очерке. Как и в тексте «Зимняя вольница», финал очерка «Золотое гнездо» открывает возможности к продолжению: если в первом все обрывается на реплике персонажа, то во втором – на безличной «тезисной» фразе, относящейся по контексту к личному повествователю: «На десять тысяч Березовского населения приходится всего две школы – мужская на 90 мальчиков и женская на 90 девочек, и в то же время больше 20 кабаков...» (293). Незавершенность, характерная, как видим, и для жанра путевых, записных книжек, и для жанра очерка в принципе, проявляется в рассматриваемых текстах на уровне структуры повествования: ритмический рисунок форм повествования без ущерба для содержания можно завершить в любом месте.

Список использованных источников

1. Атарова К.Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К.Н. Атарова, Г.А. Лесскис // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – Т. 35. – № 4. – С. 345–347.

2. Атарова К.Н. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К.Н. Атарова, Г.А. Лесскис // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 33–46.

3. Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX–XX века. (Проблематика и поэтика жанра) / В.Я. Гречнев; отв. ред. А. И. Хватов. – Л.: Наука, 1979. – 208 с.
4. Груздев А.И. Д.Н. Мамин-Сибиряк: крит.-биограф. очерк / А.И. Груздев. – М.: Гослитиздат, 1958. – 182, [2] с.
5. Гусев В.А. Взаимодействие жанров в русской прозе конца XIX века / В.А. Гусев // Жанры русского реализма: сб. науч. тр. – Днепропетровск: [б. и.], 1983. – С. 92–109.
6. Дергачев И.А. Динамика повествовательных жанров русской прозы семидесятых–девяностых годов XIX века / И.А. Дергачев // Русская литература 1870–1890 годов. – [Сб. 9.] Проблемы типологии реализма / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск: [УрГУ], 1976. – С. 3–17.
7. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов / И.А. Дергачев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.
8. Евстафьева Е.Н. Д.Н. Мамин-Сибиряк в оценке русской критики (60–90-е годы XX века) / Е.Н. Евстафьева // Дергачевские чтения-2000: русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат. междунар. научн. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – Ч. 1. – С. 72–75.
9. Зырянов О.В. «Уральские рассказы» как художественная целостность / О.В. Зырянов // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения: К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя / под общ. ред. [и с предисл.] О.В. Зырянова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. – С. 109–129.
10. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / Б.О. Корман. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 552 с.
11. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – Т. 4: Бурный поток (На улице); Повести, рассказы и очерки 1885–1886 гг. / под общ. ред. Г.К. Щенникова. – 703 с. – Все тексты цитируются в статье по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.
12. Мельникова А.В. Очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка «Зимняя вольница» и «Золотое гнездо»: опыт нарратологического анализа / А.В. Мельникова // Кормановские чтения: статьи и материалы межвуз. науч. конф. (Ижевск, апрель, 2014) / ред.-сост. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2014. – С. 139–145.
13. Проскурина Ю.М. Образ автора в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка начала восьмидесятых годов XIX века / Ю.М. Проскурина // Модификации художественных форм в литературном процессе. Д.Н. Мамин-Сибиряк – художник: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т; отв. ред. Г.К. Щенников. – Свердловск: УрГУ, 1989. – С. 31–38.
14. Слобожанинова Л.М. Типология малых жанров в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка / Л.М. Слобожанинова // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения: К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя / под общ. ред. [и с предисл.] О.В. Зырянова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. – С. 96–109.
15. Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / науч. ред., сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Интрада, 1999. – 320 с.

Аналізуються два нариси уральського письменника Д.М. Мамина-Сибиряка, які написані у 1885 р. – у ранній, мало досліджений і незаслужено забутий період творчості автора. Наратологічний аналіз, спрямований на опис нарису як жанру, здійснено з позицій форми оповіді, композиційного членування, мотивно-сюжетної та ритмічної специфіки. Для відображення форми оповіді в художньо-публіцистичному нарисі Мамина введено термін «Ми-публіцистичне», що сприяє подальшим наратологічним дослідженням нарису як жанру.

Ключові слова: жанр, література Уралу, Мамин-Сибиряк, мала проза, мотив, наратологія (теорія оповіді), нарис, сюжет, форма оповіді.

In the article, there are analyzed two essays by D.N. Mamin-Sibiryak, a notable Ural author. Both were written in 1885, during the earliest period of the author's work, a little investigated and unfortunately

forgotten. The narratological analysis, aiming to describe the essay as a genre, is realized via the form of narration, compositional segmentability, peculiarities of motive, plot and rhythm. To denote the form of narration in a fiction-publicistic essay by D.N. Mamin-Sibiryak, there has been introduced the term «We-publicistic» which may be of help for the future narratological investigations of the essay as a genre.

Key words: genre, Ural literature, Mamin-Sibiryak, flash fiction, motive, narratology (the theory of narration), essay, plot, the form of narration.

Одержано 21.10.2014.